

Свобода как непосредственная производительная сила

Коммунизм 1990 № 14

Обсуждение, подчас резкое, горячее, экономических вопросов на XXVIII съезде КПСС еще не стало достоянием истории. Это текущая политическая жизнь. Но поверить его историей, поверить его логикой экономической истории просто необходимо. Может быть, это поможет развеять многие иллюзии, в том числе и тех делегатов съезда, которые полагают, что решение наших острых хозяйственных проблем возможно на путях, лежащих в стороне от движения человеческой цивилизации, что возможна реставрация «прекрасного старого мира», в котором были приказы, было исполнительство, был спрос за него. И это-де давало результат. А рынок несет излишнюю свободу, стихию, хаос. Вот в этом вопросе соотношения экономической, рыночной свободы и эффективности хозяйствования и хотелось бы разобраться.

По какую бы сторону социально-политических и идеологических барьеров ни стояли выдающиеся мыслители последних веков, их искания шли, их открытия совершались по вектору свободы. Возьмем ли мы марксистскую ветвь обществензнания — там главенствует принцип свободного труда (вспомним, что первая организация русских марксистов так и называлась — «Освобождение труда»), социального освобождения, свободы в коллективе — «Индивид получает свободу в своей ассоциации и посредством ее», свободы как устранения зависимости от природной и социальной стихии — «свобода в этой области (речь идет об экономике, материальном производстве. — А. У.) может заключаться лишь в том, что коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы он господствовал над ними как слепая сила».

Возьмем ли мы либеральную ветвь — там в центре внимания свобода личности, свобода собственности и предпринимательства, свобода от коллектива, от «тирании большинства». Суть этого видения выразил Дж. Ст. Милль, отмечавший, что над человечеством господствует масса, то есть коллективная посредственность. Людям необходимо предоставить возможно большую свободу действовать необычно.

Расходясь в пространстве идеологием, обе ветви сближаются и взаимодополняют друг друга на собственно экономическом поприще. И неудивитель-

УЛЮКАЕВ Алексей Валентинович — в 1990 году — кандидат экономических наук, заведующий отделом редакции журнала «Коммунист»; с 2013 года — министр экономического развития РФ, доктор экономических наук.

но — как все русские писатели «вышли из гоголевской шинели», так и все европейские (по географии ли, по культуре) экономисты вышли из «Богатства народов» А. Смита с его очевидным либеральным пафосом («Для того, чтобы поднять государство с самой низкой ступени варварства до высшей ступени благосостояния, нужны лишь мир, легкие налоги и терпимость в управлении; все остальное сделает естественный ход вещей») и соответствующим пониманием условий экономической эффективности.

И эта либералистская линия непрерывно идет через сменяющиеся друг друга поколения, идет и в научном, и в обыденном сознании. На мой взгляд, и перестройка есть не что иное, как Освобождение: освобождение деструктивное — освобождение «от» и конструктивное — освобождение «для». Хотя, замечу, вывести корабль из ледового плена застоя, то есть совершить, по сути, деструктивную работу по раскалыванию льдин, оказалось гораздо легче, нежели вывести его в фарватер социального прогресса.

Собственно говоря, первыми ее (перестройки) осмысленными словами (ускорение — не в счет) были самоуправление и самохозяйствование, то есть вариации на тему традиционно марксистского понимания свободы. Затем оно постоянно дополнялось заимствованиями (прямыми или адаптированными) из либеральных воззрений. Уже в 1989 году активно обсуждался вопрос о свободе предпринимательства. Затем в «область допустимых значений» была включена и свобода частного хозяйствования и частной собственности.

Во многом отстаивание монистичности и чистоты той или другой ветви древа свободы определяет содержание и характер всех нынешних общественных дискуссий, в том числе и той, которая развернулась на XXVIII съезде КПСС. На мой взгляд, найти этой дилемме однозначное решение — все равно что попытаться отлить медаль лишь с одной стороной (аверс, реверс — иного не дано). «Полярная» аналитика не слишком перспективна: конечно, полюса существуют, но жизненное пространство лежит между ними.

* * *

Я пытаюсь рассуждать не вообще о свободе как некой идеологеме, а то и мифологеме, не о праве и не о демократии, а о социально-экономической проекции свободы, а значит, рассуждать в традиционных для экономической науки терминах производительных сил и производственных отношений.

Напомню, что марксистская традиция относит к производительным силам самого работника, средства производства, а также науку («овеществленная сила знания») и организационный элемент — разделение и кооперацию труда.

Но можно ли после всего того, что мы знаем из истории, а еще больше — на собственном опыте, называть их непосредственными? Думаю, нет. Все производительные силы так или иначе опосредствуются свободой или ее антиподом — несвободой, произволом, диктатом.

Есть хозяйственная свобода — и научное открытие быстро и естественно реализуется в модернизации производства, а в конечном счете — в росте благосостояния. Нет ее — и достижения науки приходится *внедрять*, то есть осуществлять насильно, под воздействием мощного внеэкономического прессы проталкивать через вязкий пласт незаинтересованности.

Есть свобода — и производственная кооперация соединяет теснейшими узами сотни и тысячи пространственно и технологически разобщенных производителей, нет ее — и кооперация насаждается, смежники прикреп-

ляются друг к другу директивами, а при любом удобном случае рвут связи и замыкаются в скорлупе самодостаточности.

Есть свобода — и укрепляется межстрановая экономическая интеграция, формируется единое мировое хозяйство, нет ее — и декларируемая взаимодополняемость экономик вдруг оборачивается беспрецедентными таможенными войнами.

И лишь свобода непосредственно оплодотворяет любую идею. Сама идея, богатство идей — дитя свободы. Можно построить даже график прямой зависимости производительности труда от степени его свободы, эффективности капитала — от степени свободы предпринимательства.

Классическая политэкономия сформулировала принцип свободы предпринимательства, свободы от государственного произвола и вообще от любого произвола, от внеэкономических критериев принятия экономических решений: «laisser passer, laisser faire». Пожалуй, то же самое выражает известный ленинский императив «Не смей командовать!». Это, конечно, не означает, что государство или структуры гражданского общества должны «отойти в сторону» и ни во что не вмешиваться. Считающий так явно забывает, «какое, милые, у нас тысячелетие на дворе».

Ведь рынок, например, — не только механизм, но и сложный социокультурный феномен, предполагающий определенную культуру хозяйственного поведения, развитые трудовые и предпринимательские мотивации, деловую этику. В этом смысле рынок не может быть деполитизирован, деидеологизирован (М. Вебер называл его идеологию «протестантским духом», суть религиозной основы которого — в вере, что предназначенность к Царствию Небесному определяется деловым успехом на земле, а секуляризация этой веры, как отмечал Р. Мертон, и создает систему социально структурированных интересов, мотиваций и поведения, характерных для рыночных экономик).

Поэтому создание рыночной хозяйственной культуры, вне которой механизм рынка может давать серьезные сбои, иметь «низкий коэффициент полезного действия», есть процесс, длящийся по меньшей мере десятилетиями. И роль государственных и общественных структур в развитии этого процесса весьма велика.

В этом смысле понятая «в лоб» деидеологизация может стать не худшей методологической основой хозяйственной несвободы и произвола, чем вульгарно-силовая идеологизация экономики тоталитарным государством. Одно из проявлений несвободы — «принцип антитезы». Это, например, понимание социализма как логической антитезы капитализма, а перестроечной экономики — как логической антитезы сталинизма. И в том, и в другом случае критика исходного тезиса (какой бы справедливой она сама по себе ни была) становится настолько самодовлеющей, что полностью игнорирует факт погруженности критикуемой схемы в специфический, сложный и целостный культурный слой. Капитализм и социализм в одном случае, план и рынок — в другом представляются простыми, как гвозди. Словно это всего лишь знаки, символы, вполне однозначно прочитывающиеся и адекватно истолковывающиеся одной «оценочной партией» и столь же однозначно, но явно неадекватно — другой.

Свобода и своеволие — не одно и то же. Вряд ли плодотворен подход к рыночной экономике как к простой, словно в наборе «сделай сам», совокупности конструктивных элементов, которые легко сможет собрать

в работающий механизм всякий, прочитавший пару переводных книжек. А как много сейчас охотников до этого, ничтоже сумняшеся уверенных, что можно скомпоновать эффективный рынок из таких взаимоисключающих деталей, как свободный доступ к разнообразным и качественным товарам, фиксированные цены на них и низкие налоги. Это уже попытка усидеть не то что на двух, а на трех стульях!

* * *

Вернемся, однако, к производительному бытию свободы. «Свобода приходит нагая», — заявил Хлебников. Да. И вместе с тем именно она, придя, одевает и обувает, кормит и поит, создает индивидуальное и общественное богатство.

Еще раз уточню, имеется в виду лишь проекция свободы на хозяйственную плоскость, которая сама есть форма проявления необходимости и ограничивает свободу в собственном смысле слова.

Переход субъектов хозяйствования от несвободного к свободному состоянию в период формирования капиталистической рыночной экономики обозначил эпоху невиданного прежде прогресса производительных сил. Суть этого перехода раскрыл Гегель: от рабства и крепостничества, неспособности обладать собственностью, несвободы в овладении этой собственностью как примеров отчуждения личности к гражданскому обществу, когда неотчуждаема личность вообще, всеобщая свобода воли.

С одной стороны, работник лично свободен, свободен в распоряжении своей рабочей силой — продавать ее или не продавать, а если продавать, то кому (рынок покупателей немонополизирован) и на каких условиях. Он субъект договора. И от того, насколько сильным субъектом он будет, зависит его благосостояние. Это создает стимул отстаивания им своих гражданских и политических прав, а значит, и стимул развития демократии. Но благосостояние зависит и от того, насколько хорош, качествен, привлекателен для покупателя его товар — рабочая сила. А это создает стимул развития того, что Т. Веблен называл «инстинктом мастерства». Свобода работника способствует его превращению в гражданина и мастера, развитию его трудовой и социальной сущности.

С другой стороны, субъект хозяйствования (капиталист) получает свободу предпринимательства, свободу от различных феодальных ограничений (сословных, цеховых, административных и т. д.) и одновременно свободу сколь угодно расширять свое дело, свободу рыночной экспансии. Она проявляется в Великих географических открытиях, формировании новой Ойкумены — всемирного рыночного хозяйства и в не менее великих научно-технических открытиях, формировании современной технологической цивилизации.

Прогресс производительности труда и эффективность капитала взаимно усиливают друг друга. В этом основа современного изобилия, умножения общественного богатства, плодами которого постепенно пользуется все более широкий круг людей (процесс этот, разумеется, весьма конфликтен, но не об этом сейчас речь).

Более конкретные исторические свидетельства того, что свобода выступает как великая производительная сила, дает проведенный Лениным сравнительный анализ прусского и американского путей развития капитализма в сельском хозяйстве. Позволю себе пространную цитату: «В первом случае крепостническое помещичье хозяйство медленно перерастает в буржуаз-

ное, юнкерское, осуждая крестьян на десятилетия самой мучительной экспроприации и кабалы... Во втором случае помещичьего хозяйства нет или оно разбивается революцией... Крестьянин преобладает в таком случае, становясь исключительным агентом земледелия и эволюционируя в капиталистического фермера... Само собою разумеется, что при втором исходе развитие капитализма и развитие производительных сил было бы шире и *быстрее*, чем при помещичьем исходе крестьянской реформы»¹.

Думаю, не будет большой натяжкой аналогия между прусским путем и сталинской коллективизацией. А вот некоторые результаты влияния американского и нашего «прусского» путей на развитие производительных сил в сельском хозяйстве, его экономическую эффективность. В сельском хозяйстве СССР занято в 7 раз больше, чем в США (22 миллиона человек против 3,3 миллиона). В СССР в АПК направляется почти 30 процентов всех инвестиций, в США — 6 процентов, то есть в 5 раз меньше. И это при явно несопоставимом уровне обеспечения потребностей населения в продовольствии.

Прусский и американский пути аграрной эволюции можно считать частными случаями более общих процессов — двух моделей формирования рыночных экономик: той, которая характерна для стран, рано скинувших феодальные путы, стран с глубокими традициями парламентской демократии (Великобритания, США, Нидерланды, Швеция и др.) и стран, сравнительно поздно вышедших из феодального витка развития, с авторитарными политическими системами (Германия, Италия, Испания, Япония).

Итоги сопоставления этих моделей, одну из которых условно можно было бы назвать свободной, а другую — несвободной, подвела послевоенная история. Модель хозяйственной (и политической) несвободы не смогла решить социально-экономические проблемы и реализовать свой ресурсный и интеллектуальный потенциал так, чтобы обеспечить стабильное развитие производительных сил и рост благосостояния людей.

А выбрав в послевоенный период либеральную рыночную модель (хотя и со значительным элементом государственного регулирования, то, что в ФРГ называется социальным рыночным хозяйством), они обеспечили беспрецедентные темпы экономического роста и общественного благосостояния. Японское и немецкое «чудо» в новейшее время дополнили «чудеса» южнокорейское, сингапурское, тайландское.

Чудеса, однако, имеют вполне рационалистическое объяснение: пришла в движение новая и великая производительная сила свободы, распространились предпринимательские и трудовые мотивации, была проведена демонополизация хозяйства (и в административном, и в организационно-экономическом смысле). По Ленину, всякая монополия ведет к загниванию — к застою научно-технической мысли, снижению общественно нормального уровня инициативы и предприимчивости, к недоиспользованию хозяйственного потенциала. Ну а сверхмонополия, каковой является тоталитаризованная экономика, ведет, очевидно, к сверхзагниванию.

Каким образом сверхмонополия ограничивает хозяйственную свободу? Отменяет свободу ценообразования. Декретирует отношения труда и предпринимательства. (В 1936 году в Германии были заморожены цены, а в 1939-м введена всеобщая карточная система. В 1934-м был принят Закон

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 216.

о порядке национального труда — и сразу же сотни тысяч немцев (вполне лояльных нацистскому режиму, у его противников была иная участь) были отправлены в лагеря трудовой повинности.) Вводит жесткий протекционизм, обрывает внешнеэкономические связи. В общем, уничтожает возможность выбора, а с ней и возможность принятия самостоятельных решений и производителя, и потребителя. Связь производства и потребления перестает быть экономической. Экономика превращается в «национальное хозяйство», переводится на чрезвычайное, а затем и военное положение.

Собственно говоря, здесь легко узнаются и свойства той системы, которая утвердилась в нашей стране. С легкой руки известного экономиста ее называют административной системой. Ах, если бы так, если бы она была действительно административной! Об этом можно бы только мечтать. Беда в том, что ничего административного в ней как раз и не было. Администратор — это компетенция и опыт, это принятие решений на основе экономических критериев. Это действия по поручению и в интересах собственника (есть, конечно, нарушения и исключения, но именно нарушения и именно исключения). Действительная административная система и есть необходимое и главное условие регулируемости рынка, надстройка, существующая лишь постольку, поскольку существует рыночный базис, и обеспечивающая оптимальный режим его функционирования.

«Поствеликопереломная» экономика не была административной, она была «от макушки до пят» командной. Перефразируя известные слова Маркса, предлагаю такое определение: администратор — рациональный командир, командир — сумасшедший администратор.

Администратор задает достижимые цели, ставит реалистические задачи. Командир затевает «великие стройки коммунизма», под которые имеет лишь рабско-крепостнические ресурсы.

Администратор сопрягает текущее и перспективное. Командир дает «полчаса на все».

Администратор считает и пересчитывает. Командир легко приписывает все новые и новые нули, получая к своему немалому изумлению нулевой же итог. Как тот начальствующий персонаж М. Салтыкова-Щедрина, который издал приказ: «Чтоб везде было изобилие! И что ж! от одного этого неосторожного слова неизобилие, до тех пор тлевшее под пеплом и даже казавшееся изобилием, — вдруг так и поползло изо всех щелей! И такой вдруг сделался голод, такой голод...»

Администратор руководствуется критериями эффективности, экономической рациональности. Командир — вульгарно-идеологическим, сакральным озарением.

Администратор вводит (насколько может) хозяйственную свободу в адекватные ей структурные рамки. Командир «отменяет» свободу, жестоко подавляет все ее проявления.

Если мы и жили в административной системе, то это была система безумного администрирования. И всякий раз, когда в плотине безумия удавалось пробить брешь, в нее устремлялся замороженный прежде поток свободного (более или менее, в зависимости от обстоятельств) экономического творчества — и колесо начинало вращаться!

Так было в годы нэпа. Так было в сельском хозяйстве после 1953 и 1965 годов, несколько отпуславших чересседельную взнузданному и перевзнуз-

данному крестьянству. Так было — как это ни парадоксально — в военный период. Военно-полевая экономика оказалась более свободной, чем лагерная! Так было, конечно, в гораздо меньшем масштабе, в те короткие промежутки (1934—1935, 1940—1941 годы), когда, оказавшись в очередной раз благодаря безумному администрированию в ситуации экономической катастрофы, сталинский режим допускал хотя бы минимум хозяйственной инициативы и заинтересованности трудящихся в результатах своего труда. Чуть только развязывались руки — и они начинали работать. Чуть ослабевал давящий на головы вульгарно-идеологический пресс — и они начинали думать. Производительная сила свободы приходила в действие.

Повторюсь: переход к экономике освобожденного предпринимательства и труда я вижу не в простом применении логической антитезы сталинскому безумному администрированию. Само по себе устранение ограничительных рамок не несет созидательного потенциала. Мало залезть в воду — надо еще и уметь плавать. Хаос же — не самая лучшая альтернатива произволу. И если, скажем, сегодня гражданин Румынии в политическом или интеллектуальном смысле несравненно свободнее, чем в «золотой период Чаушеску», то в смысле экономическом, при катастрофически снижающемся производстве, — вряд ли.

Угрожать хозяйственной свободе может не только государственный произвол, но и неконтролируемый частный сектор. И в том отношении, что в нем могут быть весьма сильны монополистические тенденции, и в том, что может подрывать баланс свободы предпринимательства и труда. А свобода одних за счет других — это привилегия, на мой взгляд, не менее опасная, чем «спецпайковая».

* * *

Свобода труда (не всякого, конечно, перевода сил и средств, а целесообразной, результативной, эффективной деятельности) связана как с преодолением «гаечно-винтичного» положения работника в его непосредственном производственном процессе, тяжелых, нечеловеческих условий труда, так и с обеспечением его свободной динамики, демонополизацией рынка труда, обеспечением свободного выбора места и формы приложения своих трудовых усилий, в том числе и выбора между трудом по найму (у государственных или иных нанимателей) и основанием собственного дела. Нечего и говорить о необходимости отмены таких крепостнических реликтов, как прописка, система трудовых книжек, обеспечивающих внеэкономическое закрепление рабочей силы за теми или иными предприятиями, регионами, отраслями, видами деятельности. Мало чем лучше и закрепление экономическое — зависимость от ведомственного способа распределения социальных благ вплоть до здоровья и образования.

Закрепощение труда ставит предел развитию «инстинкта мастерства», приводит к тому, что в глазах довольно широких масс населения добросовестный труд становится не только не престижным, но и унижительным, чуть ли не порочным занятием — словно в Древнем Риме периода упадка.

В хозяйственной свободе нередко видят, даже соглашаясь с тем, что она несет экономическую эффективность, угрозу социальной защищенности трудящихся, то есть свободе от социальной нестабильности. Полагаю, что это превратное, антидиалектическое представление.

Экономическая эффективность не только не противоречит социальной защищенности, но и создает материальные условия для нее. Более того,

факторы эффективного хозяйствования становятся и факторами социальной защиты. Хорошего работника защищает не государственная благотворительность, а его навыки, интуиция, талант.

Слишком же хорошо изначально, «по праву социалистического первородства» защищенный человек лишается стимулов к переменам, к прогрессу. Возникает своеобразное «бремя кольчуги» — она не только защищает от ран, но прирастает к телу, мешает его росту, сдавливает, превращается в оковы. За плотную броню приходится платить малой подвижностью, а то и застоєм.

Подлинная социальная защищенность вытекает из ничем не ограниченной возможности трудиться и зарабатывать по труду — физическому и интеллектуальному. Ей способствуют и прогрессивное трудовое законодательство, и деятельные, независимые от администрации профсоюзы, и отрегулированная

Все это относится к тем, кто объективно в состоянии сам позаботиться о себе. Но в обществе есть и те, кто лишен этой возможности. Это инвалиды, пенсионеры, неполные и многодетные семьи и др. Для них государство остается гарантом социальной защиты и поддержки.

рыночной ситуации. Кто лучше социально защищен: человек, гарантированно получающий равный, но скудный паек, или имеющий возможность выбрать место труда по душе, заработать себе на жизнь и организовать ее по своему усмотрению? Ответ очевиден.

Все это относится к тем, кто объективно в состоянии сам позаботиться о себе. Но в обществе есть и те, кто лишен этой возможности. Это инвалиды, пенсионеры, неполные и многодетные семьи и др. Для них государство остается гарантом социальной защиты и поддержки. Но они тем сильнее и надежнее, чем выше финансовые возможности государства, а они определяются экономической эффективностью.

Конечно, социально-экономическая гибкость и динамизм несут неоднозначные результаты для всех. Меняющаяся хозяйственная реальность менее комфортна, чем неподвижная, требует больших психологических усилий по адаптации к ней. Однако состояние покоя или равномерного прямолинейного движения было возможно лишь в физике и экономике XIX века.

Это, конечно, не означает, что в обновляющейся экономике нет места стабильности. Стабильность — в преемственности, гуманистическом силовом поле перемен.

Нельзя входить дважды, а тем более трижды, четырежды в одну и ту же реку. Но нельзя и требовать, чтобы в ней в одночасье полностью поменяли воду. Рассчитывающий на это рискует плыть посуху.

Чувство уверенности в завтрашнем дне не сбрасывается с парохода общественных ценностей. Просто эта уверенность не в том, что завтра будет то же, что вчера, а в том, что будет другое, со своими плюсами и минусами, но приемлемое для каждого. И сегодняшний труд, сегодняшняя предприимчи-

вость, сегодняшнее хозяйственное решение, сегодняшний выбор — единственное, что может воздействовать на баланс плюсов и минусов.

Социальная защищенность — это, выходит, защита не только сегодняшняя, но и завтрашняя. А завтрашняя стабильность — функция от сегодняшних перемен. Так, угроза свертывания устарелых производств сегодня заставляет — для обеспечения завтрашней стабильности — одних принимать рискованные решения о капиталовложениях, переливе капитала, других — перекалвалифицироваться, получать самим и давать своим детям хорошее образование.

* * *

Бытие свободы как производительной силы тесно связано с состоянием денежного обращения. Деньги — кровь экономики. Несвободное, стиснутое, болезненное кровообращение не позволяет свободно развиваться и всему хозяйственному организму. А лишь только в крови устанавливается нормальный уровень гемоглобина (и что там еще есть?) и организм ощущает прилив сил — производительных сил. Так было в 1922—1924 годах, когда смело и умело проведенная финансово-денежная реформа Сокольникова дала твердую валюту — червонец, дала систему коммерческого и банковского кредита, дала дееспособную двухуровневую банковскую систему — и этим дала мощный импульс хозяйственной активности, экономическому подъему.

Предприниматель может быть свободен, лишь если он свободно тратит деньги, свободно может обратить финансовые ресурсы в производственные. Трудящийся-потребитель может быть свободен, лишь если он в состоянии в любой момент обратить заработанные деньги в необходимые ему товары и услуги. Нынешний, инфляционно обесценивающийся, функционирующий в двух нестыкующихся ипостасях — наличной и безналичной — рубль этого не обеспечивает.

Нетрудно вывести короткую формулу: твердые деньги — это отечественная экономическая свобода; карточки, фонды, лимиты, талоны, визитки — тиражируемая несвобода. Конечно, введение торговли по талонам и карточкам защищает локальный потребительский рынок, но одновременно защищает и зону произвола, который могут осуществлять и власти, и торговля, защищает зону антистимулов к труду.

Такая «внеторговая торговля» препятствует формированию нормального рынка как поля свободной связи производства и потребления. Ведь на свободный рынок просто физически не попадают товары, расходящиеся в щели и щелочки прямого (но при этом все-таки «кривого») распределения. А «уменьшение» рынка, его деградация не равны и не прямо пропорциональны (если условно представить себе, что понятие рынка может быть охарактеризовано количественно — больше или меньше рынка) уменьшению количества попадающих на него товаров. Любой специалист по конъюнктуре и спросу знает, что сокращение товарной массы по какому-либо наименованию на 5—10 процентов ниже уровня спроса вызывает мощную волну ажиотажного спроса, дочиста вылизывающую прилавки. Так что, если во внутроторговую торговлю поступает 15—20 процентов рыночных фондов, «торговая» торговля перестает существовать.

Простор для злоупотреблений открывается неслыханный. И для торговцев (о так называемом накоплении запасов для выездной торговли уже

понаписано изрядно). И для покупателей, многие из которых тут же превращаются в продавцов. Это, конечно, свидетельствует о жизненной силе рынка, о том, что гони его в дверь — он войдет в окно. Да уж больно неудобно в окно-то лазить.

Внеторговая торговля становится мощным средством закрепощения работников, закрепления их за данным предприятием или регионом, и полуэкономического, полуправительственного принуждения работника к непроизводительному, неэффективному, неинтересному, а зачастую и просто ненужному обществу труду.

Получение продуктовых заказов, талонов на распродажу, визиток никак не связано с трудовым вкладом получателя, а является скорее актом милосердия. В условиях же ускоряющейся инфляции и тотально дефицитного рынка значение имеет не столько количество получаемых рублей, сколько их отовариваемость. Получение талонов как гарантированного права на отоваривание равносильно получению части заработка в конвертируемой валюте. Получается, что за труд, его количество и качество люди получают рубли «деревянные», а за сам факт приписки к определенному предприятию или городу — «золотые». Это девальвирует трудовые мотивации. Ну для чего мне напрягаться, получая чуть больше радующих глаз, но оставляющих индифферентным желудок бумажек, когда настоящую реальную зарплату я получаю без этих хлопот!

И активность народа не то, чтобы совсем исчезает, но, словно по закону сообщающихся сосудов, перетекает из сферы труда в сферу распределения: достать, договориться, найти или самому сделать течь в трубах распределительной системы — и припасть к этой течи!

Экономика — это дословно умение вести дом, но как его вести, если дом — карточный? В карточном доме нет свободы, это тюрьма для таланта и труда.

Круг экономических проблем, вписывающихся в тему свободы как производительной силы, неисчерпаем. Это свобода выбора организационных форм, партнеров, в том числе и зарубежных, источников финансирования, альтернативных производственных и инвестиционных программ. Это свобода от неправовых форм хозяйственного поведения, от нечестной конкуренции, лживой рекламы. Это свобода не только от телефонного, но и от мегафонного права. Это свобода от косного рутинерства и бездумных новаций, от твердолобого консерватизма и ультрарадикализма.

Каждый из этих элементов заслуживает отдельного — и обстоятельного — разговора, для которого в рамках этой статьи возможности нет. Одно ясно и без подробного анализа: лишь обретение и «освоение» экономической свободы сможет по-настоящему изменить к лучшему нашу жизнь. Не за счет ловкой дележки усыхающего пирога, а за счет введения в хозяйственное тесто испытанных дрожжей *интереса* и *творчества*. Примерно об этом писал в свое время Л. Толстой: «Представьте себе, что вы нашли средства заинтересовать рабочих в успехе работы и нашли ту же середину в усовершенствованиях, которую они признают, и вы, не истощая почвы, получите вдвое, втрое против прежнего».

Эти слова мне представляются декларацией противозатратного, эффективного хозяйствования, каковым может быть лишь хозяйствование свободных людей в свободной стране. ◆